

Алып-Манаш

Автор: Administrator

05.10.2009 18:51 - Обновлено 05.10.2009 19:05

Вместе с небом и землей был сотворен Байбарак-богатырь, едущий на пятнистом, как барс, коне. Луна и звезды засияли, когда родилась Ермен-Чечен. Она быстрее травы, как камыш, росла. Словно мальчик, диких коней объезжала Ермен-Чечен.

Рядом с ней один раз богатырь Байбарак встал; пал на правое колено и, крепко ухватив ее руку, сказал сквозь стиснутые зубы:

- Отныне мы вовек неразлучны.

- Всегда вместе будем,- ответила Ермен-Чечен. Крепко, злобно ударил своего серого, как железо, коня старик отец, но молодых догнать не мог.

Через год пришел богатырь Байбарак на старое стойбище. Сбросил с плеч мертвого барса.

- Если хочешь, старик, убей меня, как я барса убил. Твою дочь

Ермен-Чечен я украл.

Разгневался отец.

- За это целый год пусть проспит твой сын Алып-Манаш, когда станет мужчиной!

Возмужал Алып-Манаш. Он никогда своего деда не видал, угрозы его не слышал. Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать нашли сыну добрую жену. Взяли они в дом девицу. Чистую Жемчужину - Кумужек-Ару.

Алып-Манаш узнал, что за большой рекой живет злой хан, у него есть дочь

Ерке-Карачкы. Многие богатыри к ней сватались, домой ни один не вернулся: всех злой хан умертвил.

Алып-Манаш поехал к большой реке, чтобы с ханом сразиться, за смерть богатырей отомстить. Ночами богатырь не спал, днем не дневал. Сколько рек переброял - сосчитать нельзя. Какие горы перевалил - невозможно упомнить.

Белый конь вытянулся, как сыромятный ремень. Кружась, мелькали месяцы. Годы, как змеи, ползли. Подъехал Алып-Манаш к

бурной реке, вверх и вниз прошел он по берегу. Тихого брода нет. На берегу лежит вверх дном берестяная лодка шириной в две сажени, длиной в девяносто сажен. Алып-Манаш спешился, перевернул лодку и увидел под ней белого, как лебедь, старика.

- Е-ей, балам ', Алып-Манаш! Красивые глаза, умную голову ты дома оставил. Чего тебе там не хватало? Что поехал искать?

Алып-Манаш не стал спорить. Он пожал своей твердой рукой сморщенную руку старика, поцеловал его.

- Дедушка, переправьте меня!

Старик в ответ слов не нашел. Молча толкнул лодку, сел на нос.

Алып-Манаш, не выпуская повод, прыгнул на корму. Фыркает конь, удила грызет, не хочет плыть. Но крепко держит повод Алып-Манаш. Так выехали на середину реки.

- О чем плачете?- спросил старика Алып-Манаш.

- Мне тебя, балам, жаль. Сколько богатырей я на тот берег переправил!

Обратно ни один не пришел.

Алып-Манаш вынул из белой, как луна, сумки девятигранную стрелу:

- Жив я или мертв, по этой стреле узнаете. Бело-серый конь на берег вышел, встряхнулся.

Алып-Манаш заседлал коня, прыгнул в седло и закричал, как сто богатырей кричат. Конь топнул, как сто громов гремят. Слеза, повисшая на реснице старика, не успела упасть - Алып-Манаша уже не видно.

Конь переступал по долине, и черные озера заполняли след его копыт.

Алып-Манаш

Автор: Administrator

05.10.2009 18:51 - Обновлено 05.10.2009 19:05

Низкие горки мягко отбрасывал конь. Высоким горам на грудь наступая, легко бежал. Едва Алып-Манаш восход солнца увидит, конь уже к закату домчит его. Вот уже виден дым со стойбища Ак-каана. На четыре копыта разом встал конь. С места не идет, будто ноги пустили в землю цепкие корни.

- Ей-ей!- крикнул Алып-Манаш.

- Алып-Манаш, поверни повод,- сказал конь.- Много к стойбищу следов идет, обратного следа не вижу.

- Ты снаружи - подстилка, внутри - потроха,- отвечает Алып-Манаш.-

Умереть ли мне суждено, жив ли останусь - тебя не спрошу.

В гневе Алып-Манаш был всегда свиреп. Он нагайкой коня хлестнул. Как вихрь взвился бело-серый конь. Он в гору, под гору, как птица, летел, по долине, как вода, бежал. От слез бело-серый конь дорогу не видел. Алып-Манаш сам не помнит, как остановился, отстегнул подпруги, положил под голову седло и уснул. Бело-серый конь обернулся белой звездой и поднялся на небо.

Пастухи Ак-каана погнали табун коней на высокую гору. С высокой горы они увидели в долине две большие сопки. Посреди сопок круглый холм лежит. От холма вихрь-буря идет. Вихрь-ветерок рвет столетние деревья, гонит воду рек в обратную сторону. Пастухи чуть живы прискакали к своему хану.

- Посреди сопок,- говорят,- круглый холм встал. От холма,- говорят,- вихрь-буря идет.

- Лжете вы, лентяи, бездельники!- заорал Ак-каан.

Поднял меч, одним взмахом три головы отсек. Даже людоед Дельбеген сжалился над четвертым пастухом.

- Позвольте,- говорит,- великий хан, я сам посмотрю, что случилось?

Ак-каан поднятый меч не смог удержать. Меч на шею четвертому пал.

Темно-желтый Дельбеген заседлал своего синего быка.

Еще издали, почуяв недоброе, бык заупрямился. Грудь у синего быка покрылась мохнатой пеной. Что дальше было, не помнит темно-желтый Дельбеген.

Вместе со столетними дубами и вечными скалами страшный вихрь затянул людоеда в темную пещеру. У семи-голового Дельбегена все четырнадцать глаз на лоб вылезли.

Синий бык, высунув язык, стремглав вылетел из пещеры. За быком полетели деревья, камни и скалы. На ледяную высоту, на вершину всех вершин взбежал бык - только тут посмел обернуться Дельбеген-лю-доед.

Он увидел: в большой долине спокойно спит Алып-Манаш. Его голова, словно холм между двух сопок, поперек седла лежит. Вдохнет Алып-Манаш - деревья и горы в ноздрю ему летят. Выдохнет - горы и деревья обратно стремятся. Алып-Манаш спокойно, ровно дышал, и вода в реках поднималась и опускалась от его дыхания.

Без памяти побежал Дельбеген к Ак-каану:

- Человек, сказать,- не человек. Гора, сказать,- не гора. Чудовище страшное в долине спит.

Звонко, пронзительно свистнул Ак-каан. Все свое войско собрал. Созвал далеких и близких богатырей. Сам, свирепо крича, поехал впереди всех. С вершины черной горы хорошо виден Алып-Манаш. Покрыв потником долину, он спит, раскинув руки, как дитя. Всем четверем ветрам открыта голая грудь.

Меткие воины сощурили глаз и прицелились Алып-Манашу под левый сосок. Будто ударившись о вечный лед, стрелы скользнули вниз. Будто о камень стукнулись, погнулись медные наконечники. Еще ближе подъехали воины, с разбегу бросили тяжелые пики. Как пчелы, зазвенели острия пик и рассыпались, словно стекло.

Алып-Манаш прошептал во сне имя Ерке-Карачкы. От гнева солнца не взвидел Ак-каан. Из кожаных ножен он выхватил остро отточенный меч и рубанул Алып-Манаша по губе. Девять дней рубили богатыри твердое тело. Девять тысяч мечей в куски раскололись. На теле Алып-Манаша даже розовой царапины нет.

Ак-каан приказал воинам спешиться. Вместо лука они мотыги в руки взяли.

Выкопали яму в девяносто сажень и столкнули в нее Алып-Манаша.

Ак-каан хотел взять с собой оружие богатыря. Пику сдвинуть ни один воин не смог. Сабли поднять силача не нашлось.

Девять месяцев спал Алып-Манаш. Открыл глаза - неба не видно. Девятью тяжелыми цепями скручены руки. Девяносто цепей висит от колен до щиколоток.

Тяжесть цепей легла на сердце.

Алып-Манаш первый раз в жизни запел. Отца и мать вспомнил. Помянул сестру Ерке-Коо, пожалел одинокую Кумужек-Ару. Не забыл Алып-Манаш в своей песне и бело-серого коня.

Но никто не пришел помочь.

Лето отцвело. Миновала осень. Зима растаяла. К весне на большом Алтае, на цветущем широком Алтае не осталось ни зверя, ни птицы. Толпясь, как у водопада, они стояли у ямы, с жадностью слушая песню.

Высоко летели серые гуси. Всю дорогу они громко плакали об Алып-Манаше.

Алып-Манаш

Автор: Administrator

05.10.2009 18:51 - Обновлено 05.10.2009 19:05

Сложив крылья, один гусь упал на грудь богатыря. От радости Алып-Манаш глубоко вздохнул. Лопнули девять цепей. Алып-Манаш нежными руками тронул теплого гуся. Погладил рокие крылья и запел:

Гусь ты, славный мой гусь, Верный мой ты друг!

Ты в воде не тони, Ты по воздуху плыви.

На твоём крыле я пишу письмо.

Отнеси его Байбараку-отцу, Про печаль мою расскажи
Доброй матери Ермен-Чечен.

Ерке-Коо поклонись, милый гусь, Передай привет Кумужек-Ару.

Жарче солнца привет Передай ей - Жемчужине.

Скажи всем друзьям, что Алып-Манаш В черной яме лежит, Он живой в земле похоронен.

Верный гусь, ты воздушный мой конь, Иноходец ты мой водяной!

Полети, поплыви, распростерши крыло, Дай письмо мое все прочитать.

Белый гусь вылетел из ямы и поплыл, как облако, к водопою Байбарака.

А над водой в ту ночь стояла тоненькая Ерке-Коо и, смеясь, ловила ладонями в воде отражение луны. Вдруг луна погасла. Ерке-Коо глянула вверх и увидела гуся. Он висел над ее головой, распростерши белые крылья.

Быстрая Ерке-Коо поймала птицу и принесла домой. При свете костра отец и мать прочитали горькую грамоту. Как помочь Алып-Манашу, они не знали.

Чистая Жемчужина раньше всех вспомнила. Был в детстве у Алып-Манаша верный друг Ак-Кобон. В юности Алып-Манаш вместе с Ак-Кобоном на медведя ходил. Кумужек-Ару послала своего брата Кан-Чу-рекея к Ак-Кобону-богатырю.

Не выслушав до конца Кан-Чурекея, Ак-Кобон прискакал к аилу Байбарака. Он погладил гуся и прочел письмо. Ермен-Чечен-мать дала Ак-Кобону лучшую пищу.

Когда для Алып-Манаша лепешки стала месить, палец свой до крови укусила:

- Моя кровь пусть поможет тебе, сынок. Ак-Кобон день и ночь мчался. В

берестяной лодке переплыл быструю реку. На краю черной ямы коня осадил.

- Ты!- крикнул он вниз.- Ты! Отцу с матерью поклонился. Младшую сестру вспомнил. Жену не забыл. Для меня одного не нашел ты привета. От меня теперь помощи ждешь?

Ак-Кобон схватил большую гору и придавил Алып-Манаша. Сам сел на лесистую вершину и съел ту лепешку, что Ермен-Чечен сготовила сыну. От этой еды Ак-Кобон в десять раз сильнее прежнего стал. Он сюда ехал героем - обратно настоящим богатырем поскакал. У берега его ждал в берестяной лодке белый старик. Ак-Кобон прыгнул в лодку и горько заплакал.

- Алып-Манаш, друг мой, почему я тебя в живых не застал? Бело-серый твой конь упал на гриву, мертвый лежит. Ты сам, Алып-Манаш-богатырь, опустив лицо на рукав, спишь вечным сном!

Седой, как лебедь, старик слез не сдержал. Сухой рукой он достал из сумки девятигранную стрелу. Позеленела стрела, проржавела.

- Да, видно, плохо тебе, Алып-Манаш,- прошептал старик.

Обливаясь слезами, взял Ак-Кобон из дряхлых рук в свои белые руки медную стрелу и, вскрикнув, уронил ее в черную воду.

Вот вышел Ак-Кобон на берег, легко прыгнул в седло и повернул повод к стойбищу Байбарака. Глаза Ак-Кобона опухли от слез. Сам он из седла то на

Алып-Манаш

Автор: Administrator

05.10.2009 18:51 - Обновлено 05.10.2009 19:05

один, то на другой бок валится. Еле-еле стоят ноги в стременах.

- На один день опоздал я милого друга Алып-Манаша спасти. Ой, больно!

Ой, горько!

Байбарак-отец и Ермен-Чечен-мать свои слезы со слезами Ак-Кобона смешали. Ерке-Коо-сестра бросила горсть пепла в огонь. Тихо плакала Кумужек-Ару...

С высокого неба упала звезда и, стукнувшись оземь, стала конем. Громко заржал бело-серый конь, топнул копытом. Тяжелая гора пополам расколосась.

Рыхлая земля от его ржания развеялась. Алып-Манаш со дна ямы увидел дно неба. Конь опустил в яму свой длинный, как Млечный Путь, хвост. Но Алып-Манаш-богатырь подняться не смог. Он рукой хвост коню оборвал.

Бело-серый конь замычал, как бык, как медведь, заревел, по камням сквозь леса, как олень, побежал. Он с разбегу ударил высокий тополь.

Застонав, пало железное дерево. Бело-серый конь приволок тополь к яме и столкнул вниз.

От радости подпрыгнул Алып-Манаш. Девяносто цепей со звоном разорвались.

Алып-Манаш вылез по тополю из ямы. Он коня за шею обнял и горько-горько заплакал.

- Ты спас меня, верный конь...

От слез в десять раз лучше прежнего стал Алып-Манаш. Омытая слезами шерсть коня, как серебряная, тихо засияла. Верные слуги побежали к Ак-каану.

Ак-каан тут же созвал все свои войска. Сам на бело-чалом коне впереди

всех летит. Рядом с отцом - Ерке-Карачкы на огненно-рыжем коне.

Свистят пики, гудят мечи, звенят стрелы - Алып-Манаш ничего не слышал.

Он видит одну Ерке-Карачкы. Она на Алып-Манаша глядит.

Богатырь из кожаных ножен достал саблю, железный тополь пополам рассек.

В расщелину сунул он Ак-каана верхом на бело-чалом коне. Потом обе половинки руками сжал и дерево повернул. Железный тополь, как скала, стоит.

Тугую плеть Алып-Манаш поднял, к Ерке-Карачкы близко-близко подъехал.

Восьмигранной плетью ударил ее между глаз. Теперь к смелым воинам лицо свое он обратил и тихо сказал:

- Не бойтесь меня: Алып-Манаш с народом не воюет, он только ханов бьет.

И, тронув коня, поскакал богатырь в свой родной край, в ту землю, по которой сердце болит, по которой кровь стучит.

Вот подъезжает к берегу бурной реки. Бело-серый конь обернулся паршивым жеребенком. Богатырь Алып-Манаш стал карликом Тас-Таракаем. Кадык впереди подбородка, косёнка свесилась на глаза. И все же седой перевозчик под этой косою разглядел глаза, узнал их огонь.

- Садись, Тас-Таракай, в мою лодку. Я тебя на ту сторону переправлю.

Богатырь Алып-Манаш не сын ли тебе?

Усмехнулся Тас-Таракай:

- Я множество богатырей знаю, однако про Алып-Манаша не слышал. Я много песен пою, о подвигах Алып-Манаша спеть нечего.

Белый старик брови высоко поднял, потом их вместе свел и сказал густым голосом:

- Теперь не поют, потом будут петь.

Он вынул из сумки девятигранную сияющую стрелу.

- Эту стрелу мне Алып-Манаш подарил. Эту стрелу его друг Ак-Кобон в реке потопил. Три года искал я стрелу. Как новую, из воды вчера выудил.

Тас-Таракай прыгнул с лодки на каменную россыпь и стал вновь Алып-Манашем. Рядом с ним стоит бело-серый счастливец конь. Старик перевозчик упал на дно берестяной лодки вниз лицом.

- Огонь моих глаз, свет моей груди, Алып-Манаш! Твой друг Ак-Кобон сегодня празднует свадьбу. Он Чистую Жемчужину в жены берет.

Услыхав это, Алып-Манаш брови вниз опустил, его глаза кровью налились.

Он снова стал карликом Тас-Таракаем. Верхом на паршивом жеребенке потрусил он к стойбищу Байбарака. Навстречу Тас-Таракаю едет молодой шурин Кан-Чурекей:

- Куда спешишь, Тас?

- К богатырю Ак-Кобону на великий той '.

- Эйт!- крикнул шурин, хлестнув коня.- После смерти Алып-Манаша для меня ничего великого нет. О чем ты плачешь, Тас-Таракай?

- Себя оплакиваю. Был бы я, как все люди, мог бы сейчас смотреть на сестру твою Кумужек-Ару.

- Не отставай, Тас: если вместе приедем, будем рядом сидеть.

Широкой легкой переступью побежал конь Кан-Чурекея. А Тас прутиком худого жеребенка стегает, короткими ножками его по ребрам бьет. Кан-Чурекей далеко вперед улетел. Его девятилетний конь легкой рысью бежит.

Вдруг видит Кан-Чурекей, что худой Тас-Таракай спокойным шагом далеко вперед уехал. Так, играя, один обгонял другого. Смеясь, подъехали оба к стойбищу старика Байбарака. Мясо там горой навалено. Арака озером стоит. Народу - как деревьев в лесу, как в долине трав. В белом шестигранном аиле 2 сидит белая Кумужек-Ару. Ее волосы, как жемчуг, поседали. Ее светлые волосы шесть женщин плетут в парные косы. Тас-Таракай медленно дверь открыл, протяжно-жалобно запел:

Жемчужные косы В два ряда плетешь, Кумужек-Ару!

Молодого друга Неужто нашла, Кумужек-Ару?

Со слезами отвечает Кумужек-Ару:

Жемчужные косы Не я плету, Старого друга Не я бросила.

- Пошел вон, паршивый Тас!- заревел Ак-Кобон и вышвырнул Таса за дверь.

Но Тас снова дверь открыл, новую песню запел:

Из нарядного казана Ак-Кобон будет пить, На мягкой постели Ак-Кобону спать. Из любимого казана Алып-Манашу не пить, На мягкой постели Алып-Манашу места нет.

Кумужек-Ару отвечает:

Из нарядного казана Пусть кто хочет пьет, Мягкая постель Для Алып-Манаша.

Оттолкнув женщин, она встала во весь рост. Ее волосы вниз потекли, как жемчужные струи воды, как серебряный туман. Ак-Кобон погнался за Тас-Тарака-ем. Далеко в долину, высоко в гору убежал Тас. Пущенная стрела с тетивы не слетела, а Тас Таракай уже здесь и опять поет:

Алып-Манаш

Автор: Administrator

05.10.2009 18:51 - Обновлено 05.10.2009 19:05

Если бело-серый конь жив, Что будет? Что случится?

Кумужек-Ару отвечает:

Бело-серому коню Золотую шерсть приглажу, Алып-Манаша милого Обниму и поцелую.

И вот рядом с Чистой Жемужиной светлый богатырь Алып-Манаш встал.

Ак-Кобон обернулся журавлем и вылетел в дымоходное отверстие.

Алып-Манаш пустил за ним вслед быструю стрелу. Стрела скользнула по темени журавля. С тех пор журавль живет с этой отметиной. Алтайцы журавлиного мяса не едят.

- Эта птица,- говорят они,- хоть и поганой, но все же человеческой крови.

1 Той - пир.

2 А й л - здесь: юрта.

3 Балам - дитя.

4 Казан - кувшин.